

УДК 903.5

Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет
ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

МОГИЛЬНИК КОЗЛОВ МЫС-2 И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ РАННЕГО К ПОЗДНЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ В ЗАУРАЛЬЕ*

В статье на материалах могильника Козлов Мыс-2 в подтаежном Притоболье и памятников заключительного этапа саргатской культуры рассматривается проблема датировки и длительности переходного периода от раннего железного века к позднему. По совокупности дат предложен вариант краткосрочной хронологии переходных памятников лесостепного и подтаежного Зауралья – в рамках первой половины IV в. н.э.

Ключевые слова: *ранний железный век, раннее средневековье, саргатская, кашинская, карымская, бакальская культуры, хронология.*

Введение

Указанный в заглавии период в археологической летописи рассматриваемого региона является одним из наименее изученных, особенно на фоне довольно хорошо исследованных культур раннего железного века. Перед нами стоит целый блок проблем эпохи Великого переселения народов, ждущих своего разрешения. Например, когда произошла смена культур раннего железного века средневековыми? Речь идет в основном об исчезновении саргатской культуры, занимавшей все лесостепное, подтаежное и частично степное Тоболо-Иртышье почти тысячелетие. Ее верхний рубеж был обоснован как III–IV вв. не слишком большим набором фактов: данными датирования могильников Калачевки [Могильников, 1972, с. 68], Абатского-3 и Сидоровки [Могильников, 1992, с. 297; Матвеева, 1994, с. 100; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 82]. По древесине из Тютринского и Савиновского могильников заключительного этапа получены радиоуглеродные даты в интервале II–III вв. [Матвеева, 1993, с. 156, табл. 52]. Совместное

залегание резной саргатской, кашинской керамики и ярсалинской, туманской, орнаментированной фигурными и гребенчатыми штампами, на поселении Ипкуль позволило датировать его III–V вв. [Корякова, Морозов, Суханова, 1988, с. 126]. Л.И. Погодин определил верхнюю дату саргатских погребений III–IV вв. по основным видам оружия [1991, с. 24].

Есть предложения по удревнению нижней границы средневековой эпохи. А.А. Ковригин, оспаривая мою датировку могильника Абатского-3, как самого позднего памятника саргатской культуры, II–IV вв., настаивает на сужении рамок до II–III вв. [2007, с. 198], опираясь на даты предметов вооружения и воинского снаряжения, но не берет во внимание достаточно поздний диапазон бытования ряда бус, например поперечно-полосатых стрелковидных первой половины IV в. [Алексеева, 1978, табл. 27–72, с. 43], а, как известно, любой закрытый комплекс датируется по наиболее поздним вещам. Идея о завершении существования саргатской культуры во II или III в. н.э., как мне кажется, возникла под влиянием мнения С.Г. Боталова и С.Ю. Гуцалова о размещении на Южном Урале, на азиатско-европейском пограничье гуннской орды уже во II–III вв. и активном участии ее в политических собы-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00329.

тиях в Предкавказье и Прикаспии в III в. Однако упомянутые авторы рассматривают гуннский культурогенез как длительный, происходивший в течение двух столетий, со второй половины II в. по вторую половину IV в., после чего номады оставили урало-казахстанские степи [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 25–26]. Их позиция не требует пересмотра датировки саргатской культуры даже при принятии тезиса о миграции значительной части ее носителей на запад вместе с гуннами.

В.А. Зах предлагает перенести обсуждаемый рубеж на I в. н.э. [2009, с. 76], основываясь на новых радиоуглеродных датах в диапазоне I–VI вв., полученных С.Г. Боталовым с соавторами для Большого Бакальского городища*. Это городище почти уничтожено, а незначительные материалы последних раскопок на напольной площадке за внешним рвом не отражают всех напластований уже исчезнувшего памятника [Боталов и др., 2008]. Кроме того, берется во внимание дата по ¹⁴C случайного куска угля с городища Ласточкино Гнездо-1 и представляющаяся В.А. Заху возможной его синхронность с бакальской керамикой. Именно случайного, т.к. заявленных автором остатков средневековых башен и укреплений на публикуемых чертежах нет [Зах, 2009, с. 75; рис. 2, 3]**. Реально временной диапазон этого городища остается в границах III–IV вв. (согласно двум датам: СОАН-4259 – 1 730 ± 65 л.н.; калиброванная – 240–400 гг. н.э.; СОАН-4301 – 1 785 ± 40 л.н.; калиброванная – 130–330 гг. н.э.)***. Памятник имеет настолько тонкий слой, к тому же с находками разных эпох прямо под дерном, что считать его базовым не приходится. Однако существует весьма солидная серия в несколько десятков радиоуглеродных дат для финала саргатской культуры по Коловскому и Рафайловскому городищам, и она указывает на прекращение существования этих центров в IV в. [Матвеева и др., 2005, с. 58, 91; Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, с. 152–153]. Причем важно, что никаких средневековых материалов на последнем нет.

Не ясен и вопрос о длительности переходного периода от раннего железного века к позднему. Еще недавно в качестве такого интервала почти всеми исследователями принимались IV–V вв. Наиболее ясно сформулировал представление о ситуации этого хронологического отрезка В.А. Могильников, который писал, что лесостепь пришла в запустение, а потом туда

продвинулись таежные племена, связанные по происхождению с кулайцами, а также группы носителей нижнеобской культуры, что как раз и демонстрируют материалы поселения Ипкуль XV и могильника Козлов Мыс-2 [1992, с. 311]. По мнению Л.Н. Коряковой, В.М. Морозова и Т.А. Сухановой, саргатское население лесостепи мигрировало на запад уже в первые века нашей эры, а в подтаежной зоне они дольше сохраняли свои традиции [1988, с. 127].

Еще недавно по переходному периоду от раннего железного века к средневековью в литературе имелись лишь данные по четырем погребениям Козловского могильника (Козлов Мыс-2)* [Чернецов, 1957] и поселению Ипкуль XV [Корякова, Морозов, Суханова, 1988]. Новые материалы с городищ Коловского [Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008], Усть-Утяк [Кайдалов, Сечко, Колмогоров, 2010], Усть-Терсюкского [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008] дают основания связывать начало средневековья с формированием бакальской культуры, тем самым возвращаясь к первоначальной датировке ее первооткрывателем [Сальников, 1956]. Все слои данных памятников вмещают несколько типов находок (бакальский, кушнаренковский, карымский, юдинский), отражая переход к подвижной жизни с многократным посещением одних и тех же выгодных мест, но не дают четкой стратиграфии средневековых отложений. Поэтому основную информацию об интересующей нас эпохе следует искать в некрополях с удовлетворительной сохранностью скелетов и артефактов, таких как Усть-Тара-7 [Скандаков, Данченко, 1999], Устюг-1 [Матвеева, 2009], однако, общее число исследованных в них погребений пока не превышает 30.

Опорным памятником для изучения данной эпохи продолжает оставаться Козловский могильник, широко известный в научной археологической литературе по Западной Сибири и признанный одним из важнейших объектов для исследования культурогенеза уральских народов. Его материалы давно обсуждаются в дискуссии о рубеже археологических веков и формировании средневековых культур (см., напр.: [Могильников, 1987, с. 165, 167]). В могильнике на сегодня насчитывается 63 захоронения интересующего нас времени.

Обсуждение материалов

Могильник Козлов Мыс-2 был открыт В.Н. Чернецовым в 1952 г. на южном берегу Андреевского озера, которое вместе с другими проточными озерами соеди-

*Упомянутую датировку нельзя признать корректной, т.к. памятник содержит разнокультурные материалы, в т.ч. и раннего железного века. Авторы публикуют гороховские, саргатские, кашинские сосуды, но почему-то относят их к средневековью [Боталов и др., 2008, рис. 4, 2; 6, 8; 8, 15; 10, 16].

**Трудно канавку глубиной 0,2 м признать рвом, а полосу прокала – остатками срубов [Зах, 2009, с. 75].

***Калибровка в программе OxCal. 10 мая.

*Двойное наименование введено В.П. Чернецовым: опубликован как Козловский, а зарегистрирован в органах охраны памятников как Козлов Мыс-2.

Рис. 1. Расположение могильника Козлов Мыс-2.

няет бассейны рек Среднего Зауралья – Туры и Пышмы (рис. 1). Он состоял из зоны грунтовых погребений в наиболее возвышенной части Козлова мыса, вдающегося в водное зеркало по направлению к Большому Андреевскому острову, и 15 курганов диаметром 4–5 м и высотой 30–40 см вдоль пологой его западной части. Были и многочисленные мелкие холмы, которые посчитали естественными. В.Н. Чернецов исследовал 11 насыпей «колодцем», центральную часть мыса – сплошным раскопом [1952, 1955, 1956], также несколько погребений было открыто на стрелке мыса при изучении неолитической стоянки Козлов Мыс-1. В 1960 г. для уточнения площади могильника заложили траншею с восточной стороны [Зотова, 1960]. Исследователи сразу определили, что курганы и грунтовые могилы одновременные, ни одно погребение не нарушает других, поэтому дали сквозную нумерацию всем раскопанным ими 62 объектам.

Однако материалы памятника не были опубликованы, как мне кажется, из-за необъясненной их разнотипности. Следует учитывать, что В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская являлись первопроходцами в исследовании таежных древностей Западной Сибири, а лесостепные культуры тогда еще оставались неизученными, в частности, представленные в некрополе саргатский, бакальский, кашинский комплексы на тот момент не были даже выделены. Поскольку памятник чрезвычайно разрушен и его территория частично уже застроена, мною проведены аварийные раскопки (рис. 2)*.

Могилы Козлова Мыса-2 делятся на ориентированные строго по линии С–Ю и расположенные под углом 45° к ней; а по наличию посуды определенного типа можно выделять позднесаргатскую, позднекашинскую, бакальскую, карымскую, кушнарниковскую

и смешанную группы (рис. 3). Раннесредневековые погребения находятся в широтных рядах, ориентированы меридионально, иногда с небольшими отклонениями к северо-западу или северо-востоку. Умершие были захоронены в вытянутом положении на спине с руками вдоль туловища, головой на север; глубина и форма могильных ям везде сходны (рис. 4). Однако в некоторых могилах (~16 ед.) никаких остатков скелета и вещей не сохранилось. Но их расположение в одних рядах с вышеописанными, с тем же интервалом, аналогичные размеры и ориентировка позволяют предполагать принадлежность этих погребений к тому же некрополю.

У всех захороненных в изголовье располагался маленький горшочек. В местах прижизненного ношения были бронзовые поясные пряжки с подвижным язычком, ременные наконечники, бусы, браслеты, гривны, пинцеты. В нескольких случаях обнаружен мех, прилипший к бронзовым предметам, что указывает на обычай захоронения в зимней одежде или совершения обряда зимой. Предметы вооружения, культовые вещи редки. Интересно, что большинство украшений происходит из детских и подростковых погребений, в которых они, видимо, играли роль оберегов и были помещены отдельно, завернутыми в ткань. Какое-то символическое значение имели галечки белого цвета, положенные в изголовье, а иногда и в ногах.

Часть сосудов располагалась не в могилах, а около них. В ряде случаев на уровне погребенной почвы были обнаружены зубы лошади, лежавшие в анатомическом порядке, – от разрушившихся голов, помещенных на перекрытии или около него. Отмечены скопления костей ног мелкого рогатого скота, копыта лошади. Заполнение почти всех ям содержало битую посуду, что, вероятно, являлось следами тризны у могилы. Кроме сосудов, в изголовье встречены кости крупного копытного животного, песка.

В некоторых могилах зафиксирована кремация каких-то органических остатков, но не человеческих, т.к. кости скелета там тоже присутствовали. Ее следы наблюдались в виде толстого слоя жирного угля (до 40 см толщиной) или как прокал грунта в одном из углов ямы (рис. 4, 3, 6). Сосуды в этих могилах были карымского типа, но встречен и один кушнарниковский (см. рис. 3, 10). Засыпка углями костра отмечена в трех случаях. Как вариация обряда (3 ед.) угольные с золой пятна были рядом с изголовьем, но в стороне (см. рис. 4, 7). В двух могилах такие кострища зафиксированы в изножье на древнем горизонте.

Интересно, что погребения с бакальскими и карымскими сосудами одинаково расположены на площади некрополя, не образуют групп. Захоронения с кушнарниковской керамикой сосредоточены в середине мыса, однако находятся в рядах среди бакальских могил.

*Работы выполнены при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-18196е «Организация экспедиции для завершения раскопок Козловского могильника – памятника эпохи Великого переселения народов в лесном Зауралье») и Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия администрации Тюменской области. Благодарю за сотрудничество работников ИПОС СО РАН.

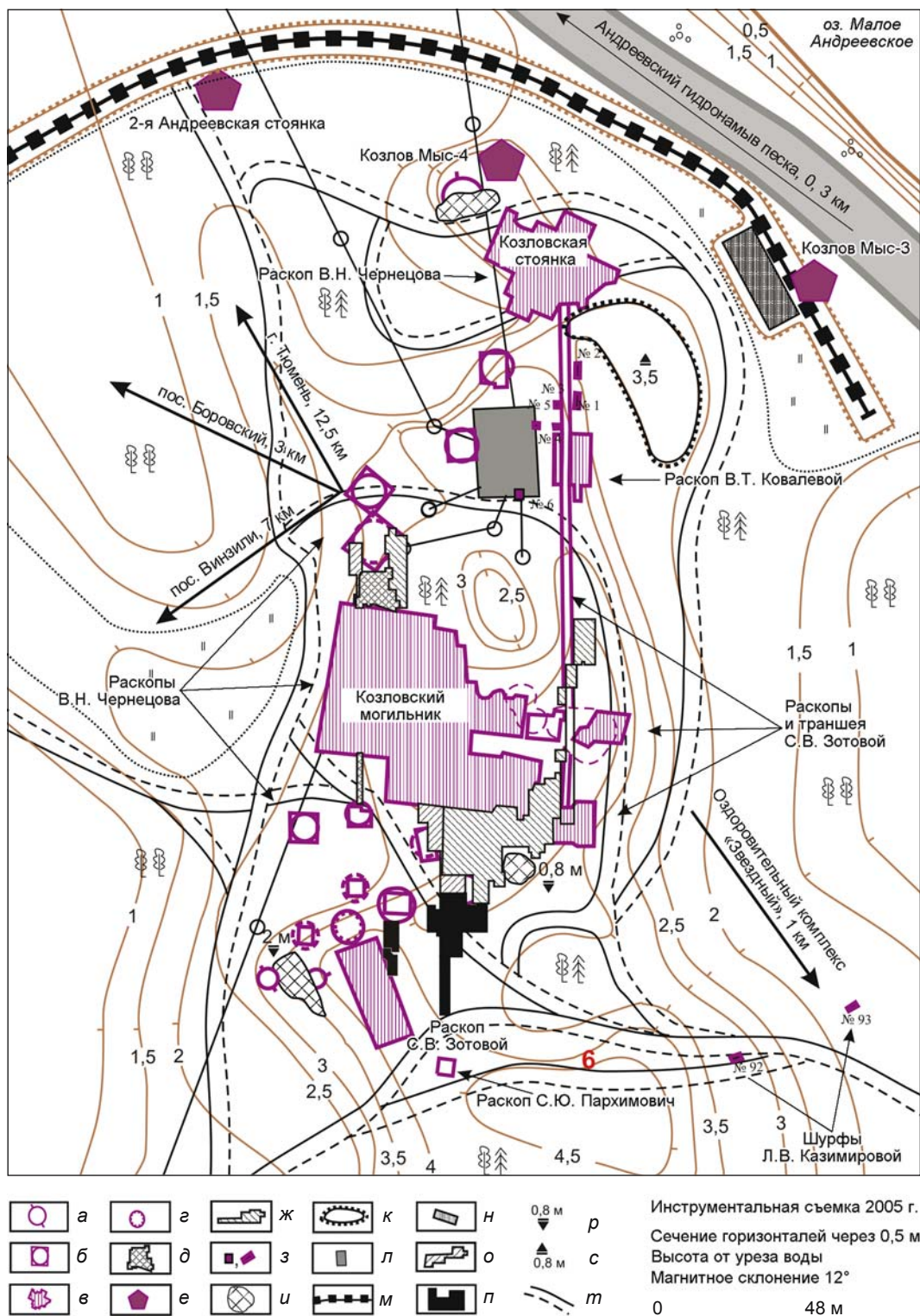

Рис. 2. План раскопов на Козловом мысу Андреевского озера.

a – курган; *б* – раскопанный курган; *в* – раскоп; *г* – раскоп (?); *д* – раскоп 2007 г.; *е* – памятник; *ж* – раскоп 2008 г.; *з* – шурф Уральской археологической экспедиции; *и* – разрушения; *к* – искусственная насыпь; *л* – трансформаторная подстанция; *м* – детская железная дорога; *н* – железнодорожная платформа; *о* – раскоп 2009 г.; *п* – раскоп 2010 г.; *р* – отметка глубины; *с* – отметка высоты; *т* – лесная дорога.

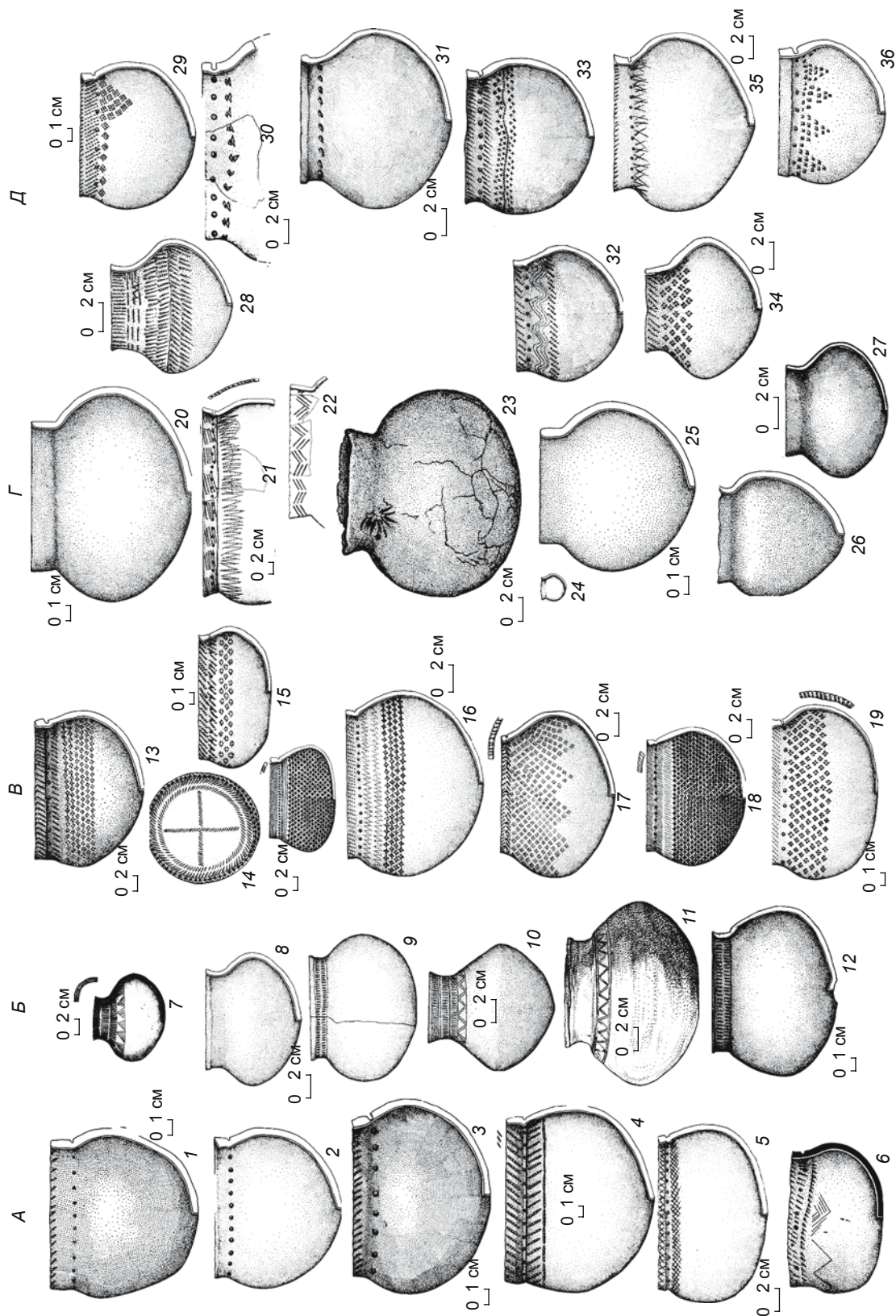

Рис. 3. Керамика.

А – бакальская; *Б* – «кушнаренковская»; *В* – карымская; *Г* – саргатско-кашинская; *Д* – смешанная.

1 – погр. 1; 2 – погр. 32; 3, 32 – погр. 12а; 4 – погр. 14; 5 – погр. 31; 6 – погр. 67; 7 – погр. 63; 8 – погр. 40; 9 – погр. 41; 10 – погр. 47; 11 – погр. 81; 12 – погр. 9; 13 – погр. 48; 14 – погр. 19; 15 – погр. 11; 16 – погр. 33; 17 – погр. 42; 18 – погр. 23; 19 – погр. 54; 20 – погр. 13-3; 21, 22, 24, 30 – погр. 36; 23, 26 – погр. 16; 25, 34 – погр. 34; 27 – погр. 20; 28 – погр. 26; 29 – погр. 44; 31 – погр. 5; 33 – погр. 21; 35 – погр. 53; 36 – погр. 27.

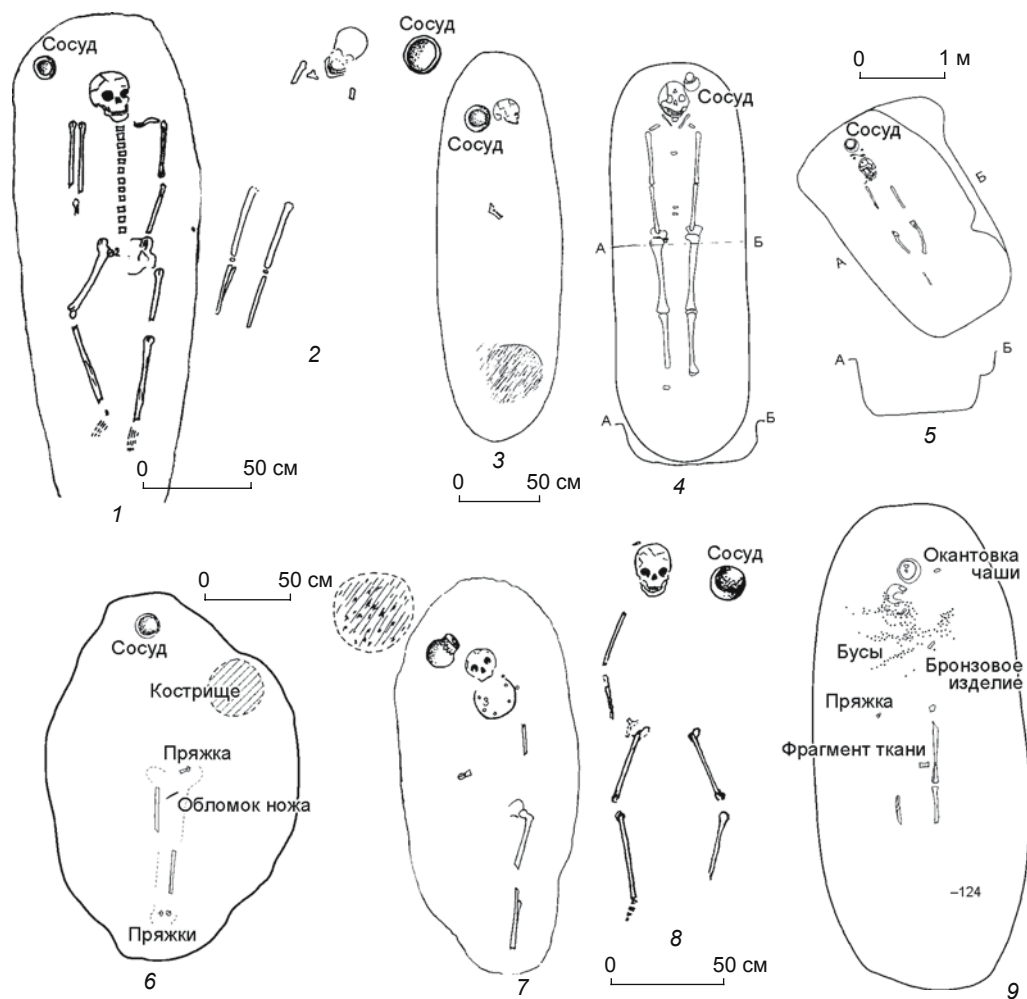

Рис. 4. Планы и разрезы могил с горшками разных типов.

1 – погр. 51; 2 – погр. 50; 3 – погр. 23; 4 – погр. 66; 5 – погр. 63; 6 – погр. 29; 7 – погр. 47; 8 – погр. 53; 9 – погр. 70.

Наиболее близок к Козловскому некрополь Устюг-1 на Тоболе, также сочетающий подкурганные и грунтовые погребения, образующие общие ряды [Матвеева, 2009]. Только частичные аналогии обнаруживаются на ряде могильников Приуралья, например Бродовском, где на площадках, ограниченных ровиками, возле могил имеются следы кострищ, черепа лошадей, битая керамика [Голдина Р.Д., 1986]. Близки по инвентарю к Козловскому Ипкульский [Чикунова, 2011] и Бирский [Мажитов, 1968] могильники.

Сосуды из могил сформованы и украшены в совершенно разной манере: горшки с резным узором, декором из насечек, отпечатков гребенчатого и рамчатого штампов, ямок, «жемчужин», решетки, залощенные кувшинчики и чаши с плотными линейными композициями из желобков и оттисков фигурных штампов. Их можно отнести к карымской, бакальской и кушнаренковской гончарным традициям.

Бакальская группа представлена 47 сосудами. Из них 40 бомбовидных слабопрофилированных горшоч-

ков, один сравнительно высокогорлый, один маленький кувшинчик, пять закрытых чаш. Все изготовлены из запесоченного теста с шамотом. Диаметр устья варьирует от 4 до 15 см, преобладающий 9–11 см. Горшочки – это явно посуда для питья индивидуального пользования. Из них 11 сосудов без орнамента, остальные бедно декорированы рядом ямок, насечек по венчику или наклонных оттисков короткого и мелко гребенчатого штампа, единичны решетка, семечковидные и треугольные наколы. Кроме горизонтальных линий, на плечиках и тулове встречаются зигзаг, «волна», «свисающие» треугольники (см. рис. 3, А). Закрытые чаши несут следы технической новации – они с воротничками, которые ранее не встречались на местной посуде. Размеры чаш невелики, диаметр устья от 8 до 15 см; вероятно, они предназначались для одной порции пищи.

Карымская керамика (23 экз.) названа так довольно условно, поскольку в комплексе наряду с закрытыми чашами присутствуют горшки, характерные

для лесостепи. Определяющим признаком является плотный нарядный декор из отпечатков гребенчатого штампа, а также ромбического в трех вариантах: с четырьмя, девятью вдавлениями, крестом внутри ромба (см. рис. 3, *В*). Диаметр устья чаш значительно больше, чем горшочков (соответственно 12–17 и 5–12 см). В коллекции есть один кувшинчик (из погр. 34) с раздутым туловом и узким невысоким горлом, украшенный отпечатками гребенки на шейке и ромбического четырехчленного штампа на плечиках.

В группу прочей керамики включены сосуды, находящие прямые аналогии в других культурах. Позднесаргатскими можно считать два горшка из погр. 16: на одном нарезками изображен пучок листьев, развернутый веером (см. рис. 3, 23), другой имеет небрежно сформованный слив. Два сосуда из погр. 36 определенно являются кашинскими по форме и орнаменту. У них резко отогнутая прямая шейка, слабо раздутое тулово, узор из оттисков крупного гребенчатого штампа в виде «столбиков», «деревьев», а также «шагающей гребенки» (см. рис. 3, 21, 22). Однако на средневековый возраст этой керамики указывает наличие ряда ямок на переходе от шейки к плечикам, что совершенно не характерно для декора сосудов раннего железного века, и присутствие в комплексе бакальской посуды. Горшочек из погр. 44 с разреженными оттисками крупной гребенки и незаконченной композицией из «свисающих» треугольников, нанесенных довольно крупным ромбическим девятизубым штампом, можно назвать бакальско-карымским (см. рис. 3, 29). В декоре сосудов из погр. 72 и 85 наблюдаются оронтурские («бахрома», воротничок, штамп «гусенички») [Могильников, 1987, табл. LXXXVI, 2] и юдинские (несколько горизонтальных линий на шейке) черты, вместе с тем бортик грубо насечен, что характерно для кашинской или бакальской керамики.

Три горшочка и два кувшинчика имеют кушнаренковские признаки: тщательно заглаженную поверхность, воротничок на венчике, декор из нанесенных тонким металлическим орнаментом вертикальных линий на четко выделенной шейке (см. рис. 3, *Б*) либо плечиках. Своеобразной чертой можно назвать прогиб днища по его центру на сосудах из погр. 9 и 81 (см. рис. 3, 11, 12). Наиболее похож на кушнаренковские высокогорлый кувшинчик из погр. 47, на котором вышеописанный узор разделен горизонтальными линиями и сдвоенным зигзагом (см. рис. 3, 10). Другой кувшинчик, из погр. 63 (см. рис. 3, 7), сочетает поясок треугольников, выполненных тонкой металлической гребенкой, на тулове с более крупными, но также вертикально нанесенными отпечатками другого гребенчатого штампа на венчике, что более свойственно бакальской орнаментальной традиции. Больше основания называться кушнаренковскими, чем описанные, имеют сосуды из Перейминского могильника, по-

скольку именно они являются высокогорлыми кувшинами [Чернецов, 1957, табл. XIV], а также лощеные, из тонко отмученного красноглиняного теста черепки из поселенческих слоев Коловского, Усть-Терсюкского и других городищ. Козловские экземпляры являются, скорее, подражанием какой-то среднеазиатской посуде, возможно, медной или серебряной, изготовленной чеканкой*.

Наконечники стрел – железные, черешковые, трехлопастные, с ромбическим пером и срезанными под тупым углом лопастями, линия преломления которых находится посередине пера (рис. 5, 1). Такие наконечники бытовали в степной и лесостепной зонах Евразии в I–IV вв. [Засецкая, 1983, с. 77].

Кинжалы – железные, обоюдоострые, с кольцевидным навершием (рис. 5, 10), у одного (из погр. 56) оно было бронзовое. Больше характерны для раннего железного века.

Обкладки ножен бронзовые: 1) маленькая прямоугольная, украшенная крупными гвоздиками со шляпками вдоль линии клинка посередине (рис. 5, 5), находит аналогии в материалах Тарасовского могильника [Голдина Р.Д., 2003, табл. 49, 15; 277, 8]; 2) крупная прямоугольно-ромбическая, с треугольным окончанием, прикреплялась к деревянному каркасу гвоздиками по периметру, декорирована выпуклинами вдоль края (рис. 5, 6). Близкий по пропорциям и исполнению предмет найден в Красноярском могильнике в Прикамье [Казанцева, 1988, рис. 2, 54].

Удила – железные, двусоставные, двукольчатые, псалии кольцевидные (рис. 5, 8, 9). Были распространены в широком хронологическом диапазоне.

Ножи – железные, черешковые, с прямой или горбатой спинкой, отличаются малыми размерами (рис. 5, 25–27). Обе разновидности были широко распространены в раннем железном веке и средневековье.

Пинцет – бронзовый с расширяющимися щипчиками (рис. 5, 28). Подобные предметы найдены в Сарапульском могильнике IV–V вв. [Арматинская, 1986, рис. 6, 6], Бродах [Голдина Р.Д., 1986, с. 67], на Верхнеутчанском городище VI–IX вв. [Голдина Р.Д., 2004, рис. 134, 9], они весьма характерны также для аланских и среднеазиатских памятников.

Пряжки подразделяются на семь типов; все, за исключением одной (тип 7), бронзовые.

1. Маленькие круглорамчатые и овальнорамчатые бесщитковые пряжки с подвижным язычком. Варианты основаны на детализации форм, предложенной А.К. Амброзом [1971]: 1а) с утолщенным спереди кольцом и язычком без прогиба (рис. 5, 13), В.Ю. Малашев пишет, что такие толстые прямые

*Устное сообщение Н.А. Мажитова о виденном им в фондах Национального музея Казахстана металлическом сосуде с «кушнаренковским» узором.

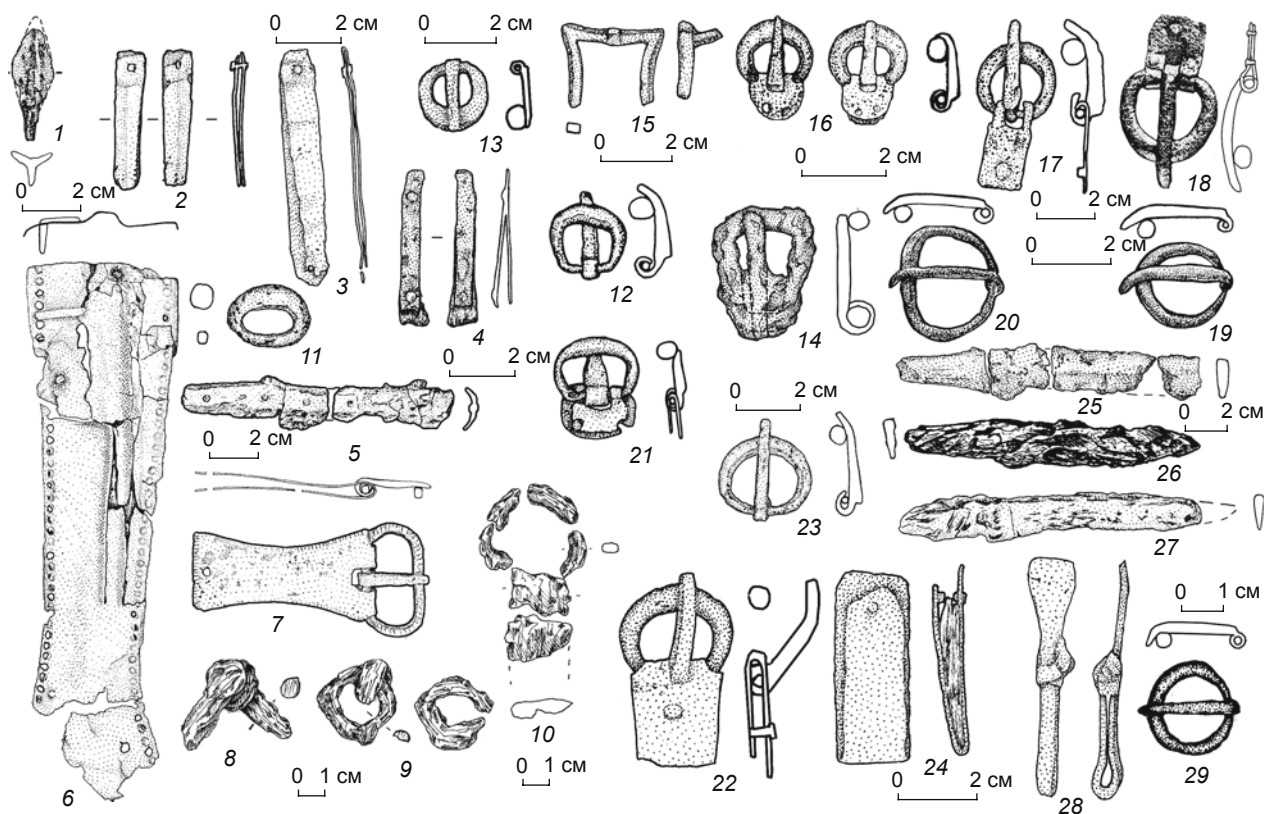

Рис. 5. Предметы быта и вооружения.

1, 2 – погр. 5; 3 – погр. 34; 4 – погр. 22; 5, 27 – погр. 11; 6, 14 – погр. 21; 7 – погр. 48; 8, 9 – погр. 41; 10 – погр. 53; 11 – погр. 27; 12, 17 – погр. 29; 13 – погр. 67; 15 – погр. 47; 16 – погр. 22; 18 – погр. 7; 19, 20, 25 – погр. 2; 21 – погр. 12а; 22, 24 – погр. 70; 23 – погр. 31; 26 – погр. 16; 28 – погр. 66; 29 – погр. 51.

язычки начинают встречаться с IV в. [2000, с. 209]; 16) с толстым хоботковым язычком, ступенчато срезанным сзади, и резко утолщенной передней частью кольца (рис. 5, 12, 23), датируются IV в. [Амброз, 1971, с. 102], по мнению В.Ю. Малашева, бытовали во второй и третьей третях этого столетия [2000, с. 209]; их аналоги найдены в гуннских памятниках [Засецкая, 1994, с. 93, рис. 19в, 36], позднесарматских захоронениях, погребальных комплексах джетысарской культуры, например, в погр. 76-2 и 314 могильника Косасар-2 [Левина, 1996, рис. 123, 15, 19]; 1в) с менее утолщенным спереди кольцом и далеко выступающим хоботковым язычком, в месте крепления тонкие (рис. 5, 19, 20, 29), получили развитие в V в. [Амброз, 1971, с. 103].

2. Трапециевидная бесщитковая пряжка с подвижным выступающим шпеньком (рис. 5, 15). Подобные изделия характерны для конца раннего железного века, они есть в коллекции Тарасовского могильника [Голдина Р.Д., 2003, табл. 366, 1; 711, 17].

3. Круглорамчатые и овальнорамчатые пряжки с сегментированным круглым щитком и подвижным язычком (рис. 5, 16, 21). Они могут датироваться в рамках конца III – первой трети IV в. [Воронин, Ма-

лашев, 2006, с. 56]. Подобные пряжки найдены в Варнинском некрополе [Семенов, 1980, табл. X, 1], ранних памятниках джетысарской культуры, например в погр. 66 могильника Косасар-2 [Левина, 1996, рис. 124, 26].

4. Овальнорамчатая пряжка с язычком и подвижным соединением с прямоугольным удлиненным щитком, зауженным посередине (рис. 5, 7). Аналоги известны в материалах погр. 92 Тарасовского могильника I–IV вв. [Голдина Р.Д., 2003, табл. 32, 7], мазунинских и неволинских памятников. В.Ю. Малашев считает мазунинские пряжки специфичными и датирует их не ранее V в. [2000, с. 205].

5. Круглорамчатые пряжки с прямоугольным щитком и выступающим язычком (рис. 5, 17, 18). Наиболее близкие им найдены в Прииртыше в могильнике Усть-Тара-7 [Скандаков, Данченко, 1999, рис. 14, 2], в Приаралье, например, в погребениях 27, 57 и 70 могильника Томпакасар [Левина, 1996, рис. 124, 3, 5, 6]. Ориентируясь на замечание А.К. Амброза, что у пряжек V в. кольца спереди утолщены не очень резко, хоботковые язычки далеко выступают вперед, этот тип можно отнести к данному времени. Аналогичный удлиненный щиток имеет пряжка из приуральского

Бирского могильника IV–VII вв., где экземпляры с прямоугольными щитками датированы VI в. [Амброз, 1980, рис. 7, 13]. Интересно, что они там коррелируют с сосудами с кушнарниковской орнаментацией.

6. Круглорамчатая пряжка с трапециевидным щитком и хоботковидным язычком, выступающим за рамку (рис. 5, 22). Подобные изделия известны по материалам «Золотого кладбища» в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 22, 212], мазунинским и азелинским древностям, которые, по мнению В.Ю. Малашева, следует относить к концу IV – началу V в. [2000, с. 204].

7. Железная бесщитковая яйцевидная в плане пряжка с подвижным язычком (рис. 5, 14). Сходные найдены в Варнинском некрополе [Семенов, 1980, табл. XI, 29, 30], погр. 165 могильника Косасар-2 [Левина, 1996, рис. 121, 19]. Поскольку задняя часть рамки спрямленная, а язычок короткий и прямой, то, вероятно, данный экземпляр следует относить к концу III или началу IV в. [Малашев, 2000, с. 209].

Ременные наконечники – бронзовые сдвоенные полоски, закрепленные снаружи и изнутри на ремне

гвоздиками (рис. 5, 2, 3). Характерны для могильников Прикамья, известны в Приаралье [Голдина Р.Д., 2003, табл. 666, 1, 3; Левина, 1996, рис. 129, 48].

Гривны двух типов: 1) круглопроволочные с заостренными концами несомкнутые (1а) (рис. 6, 11, 14, 23) либо с замком в виде крючка (1б); 2) свернутые из бронзовой фольги (полые). Оба варианта первого типа находят аналогии в материалах неволинских и мазунинских могильников, например Тарасовского [Голдина Р.Д., 2003, табл. 67, 4–12; 78, 1, 6]. Гривна второго типа имеет расплющенные концы с отверстиями для соединения веревочкой (рис. 6, 1), похожая найдена в Варнинском могильнике [Семенов, 1980, табл. IV, 5].

Серьги – бронзовые, проволочные, в виде знака вопроса, восьмерковидные (рис. 6, 8, 9). Это широко распространенный тип украшений.

Перстень – сомкнутый, с ромбическим щитком (рис. 6, 10). Аналоги имеются в джетыасарских древностях [Левина, 1996, рис. 142, 4, 12].

Браслеты двух типов: 1) круглопроволочные; 2) составные из витой проволоки и бусин. Первый представлен двумя разновидностями: 1а) несомкнутые-

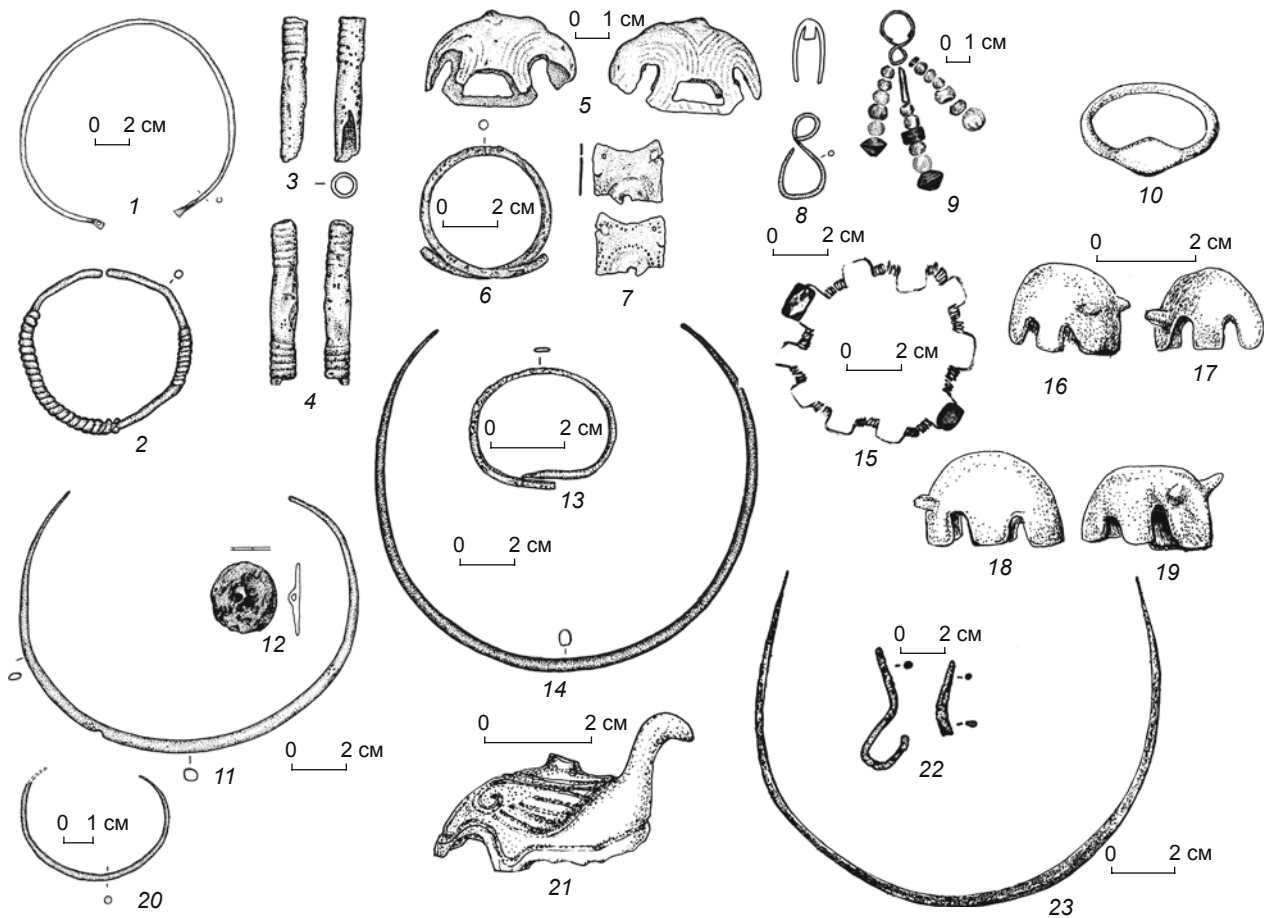

Рис. 6. Украшения.

1 – погр. 1; 2, 11, 13, 16–19 – погр. 12а; 3–5, 10, 21 – погр. 11; 6 – погр. 20; 8 – погр. 31; 9 – погр. 16; 7, 12, 15 – погр. 36; 14 – погр. 13-3; 20 – погр. 39; 22 – погр. 70; 23 – погр. 54.

ми браслетами, один из которых обвит спирально проволокой, а другой имеет заостренные концы (рис. 6, 2, 20); 16) с заходящими друг за друга концами (рис. 6, 6, 13). Такие украшения широко известны в Прикамье. Составной браслет представляет собой спирально закрученную тонкую плоскую прямоугольную в сечении бронзовую проволоку, на которую были нанизаны 15 пурпурных стеклянных 14-гранных уплощенных бусин (рис. 6, 15).

Бляшки бронзовые также двух типов: 1) прямоугольная, с отверстиями в центре и по углам для пришивания, с пуансонным узором (рис. 6, 7); 2) литая, круглая, с петелькой на обороте (рис. 6, 12). Подобные «пуговицы» украшали ремни поясной гарнитуры и уздечек, хорошо известны по материалам прикамских могильников, например Тарасовского [Голдина Р.Д., 2003, табл. 508, 2].

Полые подвески представлены в основном стилизованными фигурками стоящего медведя. Одна из них имеет рельефный литой шнуровой узор (рис. 6, 5), аналоги известны в Приуралье и Западной Сибири на рубеже раннего железного века и средневековья, например в Абатском-3 и Красноярском могильниках [Матвеева, 1994; Казанцева, 1988, рис. 3, 35]. Остальные фигурки гладкие (рис. 6, 16–19), подобные есть в коллекциях Памятного, Варнинского, Тарасовского могильников, но в отличие от них у козловских рельефно выделены уши. Подвески в виде уточки из белой бронзы с литым рельефом (рис. 6, 21) широко известны в прикамских древностях [Мажитов, 1977, с. 16; Голдина Р.Д., 2003, табл. 688, 5].

Пронизи – бронзовые цилиндрические трубочки с валиками на концах (рис. 6, 3, 4). Это широко распространенный тип украшений в финно-угорской среде, например, подобные найдены в Варнинском [Семенов, 1980, табл. VII, 48] и Тарасовском могильниках.

Бусы больше напоминают наборы раннего железного века, нежели средневековые, в которых бусины, как правило, крупнее и разнообразнее. Выделяются каменные, металлические и стеклянные, а также бисер. Сердоликовая бусина – бипирамидальная, 12-гранная (рис. 7, б), сверление двустороннее. В Приуралье есть сходные по пропорциям [Левина, 1996, рис. 6, 2], Е.В. Голдина в тип Х1А7 выделила меньшую по размерам [2002]. Хрустальная прозрачная призматическая

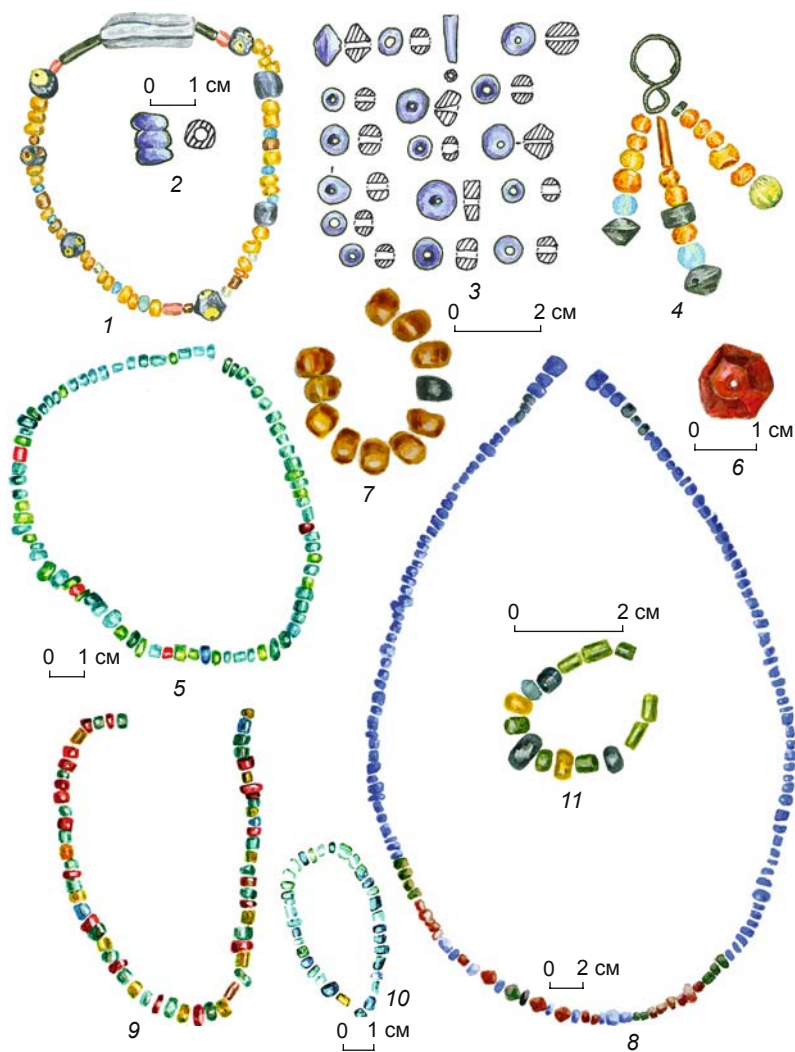

Рис. 7. Бусины.

1 – депортированные (возможно, из погр. 9, 44 и 56, 57); 2 – погр. 10; 3, 4 – погр. 16; 5 – погр. 20; 6 – погр. 52; 7 – погр. 47; 8 – погр. 70; 9 – погр. 21; 10 – погр. 12а; 11 – погр. 45.

шестигранная пронизь (рис. 7, 1) находит аналогии на Северном Кавказе [Деопик, 1963, рис. 5, 33]. Бронзовые бусины – короткоцилиндрические и бочковидные, поперечно сжатые, крупные, сходны с тарасовскими в Приуралье [Голдина Р.Д., 2003, табл. 296, 17]. Стеклянных бусин в коллекции подавляющее большинство, их описание дано в табл. 1.

В.Н. Чернецов полагал, что время функционирования могильника Козлов Мыс-2 «едва ли выходит за пределы IV века», а по керамике его следует относить к карымскому этапу нижнеобской культуры в рамках IV–V вв. При сравнении с погребальными комплексами Западного Приуралья он видел наибольшее сходство с харинскими и считал оставившие их общины родственными [Чернецов, 1956, л. 9]. Для уточнения датировки погребений данные по инвентарю сведены в табл. 2.

Таблица 1. Классификация и хронология стеклянных бусин из могильника Козлов Мыс-2

Тип	Форма	Цвет	Размер, мм*	Аналогии	Дата	Рисунок
<i>Металлизованные</i>						
А	Бочковидные, поперечно сжатые	Золотой	$D = 6, H = 3...4$	[Алексеева, 1978, с. 29, тип 1]	I–IV вв.	7, 7
Б	Бисер Многоцветные	»	$D = 2,0 \times 1,5$	[Там же, с. 30, тип 4]	I–IV вв.	–
А	Округлые и бочковидные	Черный с черными и красными глазками в желтых ободках	$D = 8...9$ $H = 6...9$	[Голдина Е.В., 2002, с. 85, тип IVБ31]	VI в.	7, 1
Б	Округлые	Желтого глухого стекла с синими разводами		[Там же, тип VB16 неволинских бус]	VIII в.	7, 4
<i>Одноцветные</i>						
А	Округлые	Голубого глухого стекла	$D = 6,5$	[Там же, тип IVA59]	VI–VIII вв.	7, 4
Б	»	Синий	$D = 10,0$	[Голдина, Королева, 1983, с. 65, тип 42, 49; Абрамова, 1987, с. 173]	IV–VIII вв.	–
А	Бочковидные	Глухого и прозрачного голубого и зеленовато-голубого стекла	$D = 3,3, H = 3,0$	[Голдина Е.В., 2002, тип IA8]	VI–VIII вв.	–
Б	»	Ярко-голубой	$D = 4,5, H = 2,0$	[Там же, тип IB19]	VI–VIII вв.	–
В	»	Оранжево-красный	$D = 6...8, H = 4...5$	[Там же, тип IVA16]	V–VIII вв.	7, 1, 3
Г	»	Синий и голубой	$D = 6,5...8,0, H = 5...8$	[Там же, тип VIA3; Левина, 1996, с. 68, рис. 6, 40]	VI в.	7, 3
Д	»	Темно-синий	$D = 7...8, H = 7...8$	[Абрамова, 1987, с. 173; Голдина Е.В., 2002, тип. IA1]	IV–VIII вв.	7, 1, 10
Е	Бочковидные поперечно сжатые	Грязно-голубой	$D = 3,5...4,0, H = 2,5...3,0, H = 1,5$	[Голдина Е.В., 2002, тип IA2; Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 11–13; 4а]	IV в.	7, 5
Ж	То же	Светло-голубой и голубой	$D = 4,5, H = 2...3; D = 4,0, H = 1,5...3,0$	[Голдина Е.В., 2002, тип IA50 неволинских бус]	VII–VIII вв.	7, 9
З	»	Желтый	$D = 4, H = 3,0$	[Там же, рис. 5, IA8; тип IA31]	Конец IV – VII в.	7, 3
И	»	Синий	$D = 4...5, H = 2...4; D = 3,5, H = 2,0$	[Мажитов, 1968, с. 12]	IV–VII вв.	7, 5
А	Короткоцилиндрические	Глухого голубого и прозрачного зеленовато-голубого стекла	$D = 4,5, H = 1,7...2,0$	[Голдина Е.В., 2002, тип IA2; Мажитов, 1968, табл. 4, 11]	I–V вв.	–
Б	»	Прозрачного и глухого голубого; глухого темно-синего стекла	$D = 3...5, H = 1,5...4,0; D = 4,5...5,0, H = 2...3$			

В	»	Синий	$D = 2...7, H = 1,5...6,0$	[Мажитов, 1968, табл. 4а; Голдина Е.В., 2002, рис. 3/A30]	IV–VI вв.	–
Г	»	»	$D = 11,5, H = 4$	[Голдина Е.В., 2002, тип IVA1]	V–VIII вв.	–
Д	»	Желтый	$D = 4, H = 2,5, H = 4$	[Там же, тип IA4]	IV–IX вв.	–
Е	»	Светло-зеленый	$D = 4, H = 2...3$	[Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 19, 20]	IV в.	7, 9, 11
А	Удлиненно-цилиндрические	Лимонный	$D = 3, H = 5$	[Там же, табл. 4, 10]	IV–VII вв.	7, 10
Б	То же	Черный и красный	$D = 3, H = 7, H = 14$	[Там же, табл. 4, 3; Левина, 1996, с. 224]	IV–VII вв.	7, 1
В	»	Белый	$D = 5,5, H = 2,5$	[Алексеева, 1978, с. 67; Голдина Е.В., 2002, рис. 3, XVA5]	I–V вв.	–
Г	»	Голубого прозрачного стекла	$D = 3,5, H = 5$	–	–	–
А	Усеченно-конические	Красный	$D = 2, H = 16$	[Алексеева, 1978, с. 65, тип 24]	I–IV вв.	–
Б	»	Синий	$D = 3, H = 14$	[Голдина Е.В., 2002, тип IVA28]	VI в.	–
А	Биконические	Голубой	$D = 5, H = 7$	[Алексеева, 1978, с. 69]	II в. до н.э. – III в. н.э.	–
Б	»	Красный	$D = 12, H = 10$	[Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 43]	IV в.	7, 8
А	Зонные	Фиолетовый	$D = 4,4, H = 2,5$	[Левина, 1996, с. 224]	IV–VII вв.	–
Б	»	Голубой	$D = 5...6, H = 2$	[Абрамова, 1987, с. 173]	II–III вв.	–
А	Многочастные	Синий	$D = 0,8, H = 1,2$	[Мажитов, 1968, табл. 4, 38]	–	7, 2
А	14-гранные уплощенные	Пурпурный	$13 \times 7 \times 5$	[Голдина Е.В., 2010, рис. 30, тип IA53]	Конец IV – V в.	6, 15
<i>Бисер</i>						
А	Короткоцилиндрический	Черный и красный	$D = 2,0...4,5, H = 1,5...2,5$	[Алексеева, 1978, с. 67; Мажитов, 1968, с. 13, табл. 4, 7–3, 9]	I–V вв.	7, 8
Б	Зонный	Красный	$D = 3, H = 1,5$	[Абрамова, 1987, с. 173]	Нет свед.	–
В	Цилиндрический	Зеленовато-голубой и голубой	$D = 2,5...3,0, H = 2, H = 2,5$	[Алексеева, 1978, тип 166; Голдина, Королева, 1983, тип 49]	I–IV вв.	–
Г	»	Желтый	$D = 3, H = 2, H = 3, H = 4$	[Голдина Е.В., 2002, тип I A34]	IV–VI вв.	–
Д	»	Оливково-зеленый	$D = 2,5, H = 4,5...5,0$	[Там же, тип IA37]	VI в.	–
Е	»	Темно-синий	$D = 3,5$	[Абрамова, 1987, с. 173]	II–III вв.	–
Ж	Бочковидный попеременно сжатый	Синий	$D = 3,0...3,5, H = 1,5...2,0$	[Мажитов, 1968, табл. 4а]	IV–VII вв.	–

*D – диаметр, H – высота.

Таблица 2. Хронология предметов из могильника Козлов Мыс-2

№ погр.	Предметы	Век							№ погр.	Предметы	Век								
		II	III	IV	V	VI	VII	VIII			II	III	IV	V	VI	VII	VIII		
1	Гривна, тип 2			x	x			20, 21, 45, 70	Бусины короткоцилиндрические, тип Б	x	x	x	x						
2, 51	Пряжки, тип 1в			x				21	Бусины бочковидные, тип 3			x	x						
5, 22, 34	Наконечники ремней				x		x	21	Пряжка, тип 7	x		x							
5, 27, 44	Наконечники стрел				x		x	21	Обкладка ножен, тип 2	x	x	x							
2, 4, 6, 13-3, 27, 29, 31 61, 63, 67	Пряжки, тип 1				x		x	21	Бисер, тип Г			x	x						
10	Бусина многочастная				x		x	36	Браслет, тип 2			x	x						
11	Пронизи				x		x	36	Бляшка, тип 2				x						
11	Обкладка ножен, тип 1				x		x	45, 56	Бисер, тип Д			x	x						x
11	Подвеска-уточка				x		x	45, 56	Бусины короткоцилиндрические, тип Д			x	x						x
11	Фигурка медведя рельефная				x		x	46	Бисер, тип В			x	x						
12а	Фигурки медведей гладкие				x		x	47, 56	Бусины золоченые, тип А			x	x						
1, 12а, 13-3, 36, 47, 54	Гривны, тип 1				x		x	48	Пряжка, тип 4			x	x						
12а	Перстень				x		x	5, 7, 29	Пряжка, тип 5			x	x						
12а, 20, 22, 39	Браслеты, тип 1				x		x	52	Бусина сердоликовая			x	x						x
12а, 20, 22, 56	Пряжка, тип 3				x		x	53, 57	Кинжал с кольцевым навершием										x
12а	Бусины удлинненно-цилиндрические, тип А				x		x	56	Бисер, тип Е			x	x						

Выводы

Таким образом, и сейчас, на значительно более широком круге источников, есть все основания принимать датировку В.Н. Чернецова и относить Козлов Мыс-2 к IV – началу V в. н.э. Однако не соглашусь с ним в культурной интерпретации могильника. Курганный обряд, культ коня, горшковидные и кувшиновидные формы, орнамент более чем половины коллекции керамики позволяют считать, что памятник отражает становление бакальской культуры в лесостепи. Она складывалась на основе саргатского и кашинского субстратных элементов и карымского суперстрата. Я полагаю, что смена археологических культур раннего железного века средневековыми в северной части лесостепи и подтаежной зоне происходила в начале IV в.

Большинство видов инвентаря могильника Козлов Мыс-2 находит аналогии в Приуралье и коррелирует с неволинскими, мазунинскими и полемскими комплексами. Наличие курганных и грунтовых погребений, отделенных пространством в 15–17 м, как мне кажется, свидетельствует о том, что памятник состоит из разнокультурных захоронений одной полиэтничной (?) общности, в которой традиция пришельцев хоронить в грунтовых могилах сменилась обрядом погребения в курганах, который практиковало ранее автохтонное население.

Материалы могильника, датированного IV – началом V в., содержат явные компоненты культур раннего железного века наряду со средневековыми. Это позволяет, по моему мнению, говорить о кратком переходном периоде, вероятно, в рамках первой половины IV в.

Список литературы

- Абрамова М.П.** Подкумский могильник. – М.: Наука, 1987. – 182 с.
- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1978. – Ч. 2. – 120 с.
- Амброз А.К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971. – № 2. – С. 96–123.
- Амброз А.К.** Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 3–56.
- Арматинская О.В.** Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. – Устинов: Удм. гос. ун-т, 1986. – С. 26–46.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.** Гунно-сарматы Урало-Казхстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 267 с.
- Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П.** Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы изучения бакальской культуры: мат-лы семинара. – Челябинск; Шадринск: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2008. – С. 6–40.

Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. – М.: ИА РАН, 2006. – 152 с.

Голдина Е.В. О хронологии бус неволинской культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 82–103.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2010. – 264 с.

Голдина Р.Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. – Устинов: Удм. гос. ун-т, 1986. – С. 47–98.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2003. – Т. 1. – 318 с.; Т. 2. – 724 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – 422 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 1983. – С. 40–71.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. – СПб.: Фарн, 1994. – 172 с.

Деоппик В.Д. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // Средневековые памятники Северной Осетии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 122–147. – (МИА; № 114).

Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи // История и культура сарматов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 70–84.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. – СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. – 224 с.

Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо-1 в Нижнем Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2009. – № 11. – С. 67–80.

Зотова С.В. Отчет о работе Андреевского отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1960 году // Архив ИА РАН. Р-2145. 12 л.

Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 1988. – С. 44–65.

Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Колмогоров П.А. Средневековый комплекс городища Усть-Утяк-1: интерпретация и хронология // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2010. – № 13. – С. 75–78.

Ковригин А.А. К датировке Абатского-3 могильника // XVII Урал. археол. совещ. – Сургут; Екатеринбург: Магеллан, 2007. – С. 194–198.

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль-XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 117–128.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 162 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 240 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т, 2000. – С. 194–217.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Матвеева Н.П. Поликультурная среда лесостепного Зауралья в середине I тыс. н.э. и формирование раннесредневековых общностей // Форум «Идель-Алтай». – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. – С. 150–152.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище: Археолого-палеоэкологическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2008. – 228 с. – (Древности Ингальской долины; вып. 2).

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 229 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.

Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 66–86.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 274–311.

Погодин Л.И. Проблемы хронологии саргатских памятников в связи с особенностями организации военного дела (по материалам Прииртышья) // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 20–24.

Рафикова Т.Н., Матвеева Н.П., Берлина С.В. Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: ТриТ, 2008. – Вып. 2. – С. 85–113.

Сальников К.В. Исетские древние поселения // СА. – 1956. – № 25 – С. 189–214.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. – Ижевск: НИИ истории, языка и литературы УдмССР, 1980. – С. 5–106.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. – Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 160–186. – (Преемственность; вып. 3).

Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции в 1952 году // Архив ИА РАН. Р-891. 45 л.

Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции ИА АН СССР в 1955 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1211. 9 л.

Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции ИА АН СССР в 1956 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1739. 22 л.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–245.

Чикунова И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье // Тр. III Всерос. археол. съезда. – Великий Новгород; Старая Русса, 2011. – Т. 2. – С. 112–113.

*Материал поступил в редколлегия 06.10.11 г.,
в окончательном варианте – 14.05.12 г.*